

Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования

*Алексей Бачинский, Константин Ерусалимский,
Ника Кочековская, Максим Моисеев*

Diplomatic correspondence of Ivan the Terrible: problems of authorship, storage and existence

Aleksey Bachinskiy, Konstantin Erusalimskiy (both – Russian State University for the Humanities, Moscow), Nika Kochekovskaya (Russian State University for the Humanities; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), Maksim Moiseyev (Russian State University for the Humanities; Museum of Moscow, Russia)

Российское государство в XVI в. вело постоянную посольскую переписку, в которой принято было обмениваться как устными речами, так и письменными обращениями. В отличие от посольских материалов внутреннего делопроизводства, послания обнаруживаются не только в копиях Посольского приказа и поздних списках, но и в оригиналах, главным образом в европейских странах. Ряд подлинных грамот от заграничных партнеров хранится ныне в РГАДА.

Государственный статус документа определяется титулом правителя (или другого высшего государственного учреждения) и указанием самоназвания государства. На всём протяжении правления великого князя и царя Ивана IV основной титул Российского-Московского государства (или «Московских государств») не менялся за исключением высшего титула монарха – после венчания на царство 1547 г. посольские материалы отразили перемену великокняжеского титула на царский. По всей видимости, термины «Московское господарство» и «Московская земля» отражают официальную версию самоназвания, сохраняющую силу на всем протяжении правления Ивана Грозного и годы спустя, не утратив политического значения и в XVII в.¹

Проблема расшифровки основного государственного титула, сохранившегося на всём протяжении правления Ивана IV без изменений, в том, что он известен почти исключительно в сакральной сокращённой форме «г-с-д-р». Полные расшифровки государственного титула «всёя Руси» на всём протяжении правлений Ивана III, Василия III, Ивана IV и Фёдора Ивановича содержат устойчивую и безальтернативную огласовку: «господарь»². Иностранные путешественники до начала XVII в. знают только одну фонетическую форму: «Umnie sost della

© 2018 г. А.А. Бачинский, К.Ю. Ерусалимский, Н.А. Кочековская, М.В. Моисеев

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10091).

¹ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 273–283.

² См., например: *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 195; *Богатырев С.Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1(9). С. 187.

haspodorky»³, «for the honor of *gospodar'* or the emperor»⁴, «Zar Hospodar y Veliquei knes»⁵. Европейские словари московской речи конца XVI в. отразили обе формы, *господарь / господарыня* («Aspondare» / «Aspondarenia» и др.) и *государь / государыня* («Asoudare» / «Assoudarinye»)». Впрочем, ещё и в начале XVII в. вариант «государь» был просторечной формой, относился к низкому стилю и не мог употребляться в отношении царя⁷. Оригиналы грамот Ивана Грозного не содержат раскрытый титла над титулом. Впрочем, в послании Ф. Сабурова и С. Отяева С. Довойно от июня 1544 г. встречается полная форма: «и о сподаревых делех приговор учиним»⁸. В распоряжении исследователей на сегодня достаточно источников, чтобы судить об использовании в правление Ивана Грозного государственного титула в единственной форме — «господарь».

Борьба за царский титул государя и великого князя после венчания Ивана Грозного на царство в январе 1547 г. стала посольской сверхзадачей, с решением которой связывали в Москве успех имперских дипломатических начинаний, восходящих ещё к правлению Василия III. И до 1547 г. титул великого князя оберегался как самобытный и несопоставимый с европейскими, турецкими и татарскими аналогами. После венчания на царство московская дипломатия выделяла царский титул, называя христианским «царём» только Ивана IV, сохранив для императора Священной Римской империи лишь более низкий титул «цесаря». Посольским основанием для использования царского титула служило «царское» именование Василия III в грамотах императора Максимилиана I, султана Сулеймана Великолепного, а также царский титул в посланиях из Испании, Дании, Швеции⁹. И хотя обе империи отказались от мысли о равноправии с Москвой, эти прецеденты титулования в самой Москве служили продвижению имперской идеи. Неизбежный конфликт вокруг царского титула со всей силой разгорелся сразу же после венчания на царство Ивана IV в отношениях с Великим княжеством Литовским. Поскольку отношения с польским королём традиционно строились через Вильно, в ответ на отказ Сигизмунда II Августа признавать царский титул в 1551 г. решили «перемирья с королем не рушители», но ограничить титулование самого короля Сигизмунда великим князем со ссылкой на истинность именно такого титула в Литве. Посланник М. Гедройц отказался везти королю грамоту, в которой его государя так унизили, и выбросил её на втором яме от Москвы 29 июня 1551 г.¹⁰ Позднее в правление Ивана IV коллизии вокруг

³ Штаден Г. Записки о Московии. В 2 т. Т. 1. Публикация / Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. С. 110–111.

⁴ Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / Ed. by L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison et al., 1968. P. 168.

⁵ Маржерет Ж. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Береловича и др. М., 2007. С. 46, 117.

⁶ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке / Пер. с фр. А. Терешенко. М., 2017. С. 110–112, 119, 137.

⁷ Золтан А. К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М., 2002. С. 584–588.

⁸ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 3, л. 257. Полные варианты в польско-литовских копиях московских грамот, конечно, могли возникнуть в результате раскрытия титла местными переписчиками по правилам местной же русской огласовки. Однако формы *Hosudar* и т.п. в польско-литовских копиях не обнаруживаются. См., например: Archiwum Głównie Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów (далее — AR). Dz. II. № 106. S. 4.

⁹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 86, 100–101, 121 и др.

царского титула между Москвой, Великим княжеством Литовским и Империей происходили постоянно.

Грамота и обряд её вручения считались выражением и подтверждением статуса, овеществлённым суверенитетом, и в этом качестве определяющим моментом в репрезентации послами своего государя. В посольских наказах жест вручения следовал сразу за отдалённым приветствием иноземного государя и описывался так: «Да подати... грамота». Следом за вручением грамоты указы и статейные списки оговаривают церемонию подхода к руке государя, а также дальнейшие обсуждения, основанные на устных и дополнительных письменных наказах. Грамота была не просто словесной репрезентацией государя, но и законным свидетельством его мирных намерений («только о братстве, и о любви, и о соединенье»). Ровно такое понимание сути дипломатии изложено Иваном IV в послании турецкому султану Селиму от ноября 1569 г.: «В ыные господарства со господари послы своими и посланники, с которыми господари о дружбе и о любви ссылки бывали, свое господарство изьявляет, а к нему те господари своих послов и посланников посылают и здоровают ему на господарствах и в том дружбы и любви прибавливают»¹¹. В русских представлениях о дипломатии в XVI в. важную роль играл тезис о «прибавлении любви» между государями, причём это могло ужиться с реальными враждебными столкновениями. Саркастическая интонация в посольской грамоте отражала общую задачу — развенчать, лишить соперника престижа, доказать его более низкий статус во всеобщей иерархии монархий. Некоторые дипломатические письма, подписанные царским именем, выделяются среди прочих благодаря яркому литературному стилю, резким выпадам против оппонентов, изысканным риторическим приёмам. Такие тексты представляют собой не только важные исторические источники, но и своеобразные памятники публицистики, сближающиеся по жанру то с памфлетом, то с полемическим трактатом. В них от имени Ивана Грозного отстаиваются и пропагандируются ключевые для Москвы политические и религиозные идеи, обосновываются действия царя.

О литературных произведениях Ивана IV написано немало, тем не менее вопрос об авторстве дипломатических текстов от его лица, поставленный ещё в дореволюционной науке И.Н. Ждановым, по-прежнему остаётся открытым. Согласно концепции С.М. Каштанова, следует различать реальное и техническое авторство как особые формы раннего авторского сознания. В связи с этим необходимо отказаться от стилистических критериев в отборе «посланий Ивана Грозного» из общего массива посольских грамот и придерживаться более гибкого понятия о корпоративном авторстве не только применительно к рутинным посольским текстам, но и к ярким, стилистически индивидуальным сочинениям, возникшим при участии царя и посольских служащих¹². Не все грамоты, составленные от имени Ивана IV, наделены чертами, выделяющими их среди нейтральной дипломатической документации. Тем не менее ряд малоисследованных посланий немногим уступает по своему эмоциональному накалу и остроте языка знаменитым письмам кн. А.М. Курбскому или Елизавете I Тюдор. В свою очередь, даже в самых ярких из традиционно атрибутируемых царю текстов

¹¹ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 3 об.—4.

¹² *Каштанов С.М.* Проблема достоверности авторства исторического источника // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г.: Материалы конференции. М., 2003. С. 115–120.

индивидуализированные фрагменты чередуются с фрагментами, написанными в безличном делопроизводственном стиле. Возникающий в связи с этим вопрос о мере вмешательства царя в составление грамот целесообразно решать, опираясь, с одной стороны, на имеющиеся источники по процессу составления дипломатических документов, с другой — на их язык и стиль¹³.

Исследователи текстов, написанных от имени царя, традиционно считали критерием отбора «грозненских фрагментов» индивидуальную манеру, стиль, повторяющиеся слова и выражения¹⁴. Наиболее ярко они дают о себе знать в гневных выпадах против оппонентов, которых Иван IV любил, по меткому выражению Курбского, «грысти кусательне»¹⁵. Однако, чтобы обоснованно говорить об индивидуальных чертах, необходимо оценить, насколько такие примеры на самом деле выбиваются из общей ткани посольской переписки тех лет.

В период правления Грозного язык внешнеполитической переписки располагал широким спектром устоявшихся формул, используемых сторонами для оформления определённых предложений, выхода из неудобных ситуаций, завуалированных угроз и т.д. В отношениях Русского государства с Великим княжеством Литовским и Короной Польской, если одна из сторон стремилась к заключению мирного договора или пыталась создать такое впечатление, но не желала первой делать шаг навстречу противнику, инициатива формально могла исходить от бояр или панов рад. Они и начинали вести переговоры между собой — «печаловаться» о «добром деле» и «добре христианском»¹⁶. Монархи же в собственной переписке ссылались на их «челобитье», мотивируя уступки оппоненту снисхождением к этим просьбам. В свою очередь, в письмах, где бояре и паны рад обсуждали, как «наводить» правителей на мир, традиционно использовалась формула о невыгодности конфликта; акцент делался на религиозной близости противоборствующих держав. Распространённые формулы противостояния христиан «бесерменской руке» не лишены элемента манипулятивности, однако представляют собой не индивидуальные приёмы, а примеры из стандартного дипломатического арсенала эпохи.

Наряду с нормативным внешнеполитическим этикетом существовали негласные правила дипломатической переписки в условиях обострившейся политической ситуации, конфликта и даже войны. Для таких случаев существовали устойчивые формы, позволявшие нанести противнику риторический удар, не обрывая посольских контактов. Отдельные довольно острые выпады в текстах от имени царя, по всей видимости, также не являются авторскими в строгом смысле слова, а почерпнуты из этого негласного арсенала эпистолярных сражений. Их анализ позволяет, помимо прочего, уточнить методику работы с «технически-авторскими», в терминологии С.М. Каштанова, текстами Ивана Грозного.

В переписке короля Стефана Батория с Иваном Грозным оба монарха стараются не только приписать негативные качества оппоненту, но и объяснить собственное поведение соответствием религиозному идеалу христианского

¹³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 25.

¹⁴ Лихачёв Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1993. С. 184; Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000. С. 240; Флоря Б.Н. К вопросу о начале писательской деятельности Ивана IV // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2(16). С. 5—8.

¹⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 101; Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. Т. 2. М., 2009. С. 303.

¹⁶ О данных формулах см.: Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 110 и далее.

правителя¹⁷. Себя они изображают терпеливыми, заботящимися о благе подданных и в целом христиан, хорошо осведомлёнными. Набор необходимых праведному монарху качеств оказывается сходным для посланий из России и Речи Посполитой. Однако есть и отличия. Так, Стефан Баторий не раз говорил о том, что мотивацией его действий, помимо прочего, служило желание защищать свободу подданных. Иван Грозный такого аргумента не использовал. Единственное исключение — тексты, написанные накануне польской элекции 1573 г.: в них царь обещал, что его сын Фёдор в случае избрания «все ваши свободы, праве и волности вам утвердит и упевнит и иных еще придати будет хотел»¹⁸. Однокоренное слово в текстах от имени царя звучит и в ещё одном контексте — высвобождения христиан из рук «бусурман». Это также стандартная дипломатическая формула тех лет. В свою очередь, Иван Грозный считал важной негативной характеристикой оппонентов общение с «изменниками» которые, по мысли царя, «заражают» принимающих их правителей отрицательными моральными качествами. Такой аргумент повторяется во многих текстах от его имени и отсутствует у польско-литовских королей. Таким образом, установленный набор «кусательных» клише может иметь некоторые вариации, характерные только для одной из сторон переписки. Их изучение позволяет судить о культурных кодах, значимых для правящих элит двух стран.

Кроме того, наиболее активно эксплуатируемые приёмы и стоящие за ними ценности способны пролить свет на то, что авторы считали слабыми местами оппонента. Так, для Москвы устойчивая тема соответствия монарха христианскому идеалу в период правления Стефана Батория приобрела особое значение. Помимо прочего, Иван Грозный время от времени намекал на его противостояние христианам, связи с мусульманскими правителями и даже на покровительство ересям, а в посланиях Рудольфу II и вовсе перешёл к прямым обвинениям¹⁹. Эти пассажи добавлялись даже в письма к самому королю в надежде, что их содержание может быть доведено до папы римского и Габсбургов. Царь видел слабость противника в его происхождении — король Польши был семиградским князем, а Трансильвания — государством-вассалом турецкого султана.

И царь, и польско-литовские короли использовали в своих письмах апелляцию к здравому смыслу оппонента, нередко начинающуюся с формулы, «сам то, брат наш, можеш розсудити». Часто она принимала форму риторического вопроса. Раздражение и гневную отповедь в ответном письме царя вызывало обращение в Первом послании кн. А.М. Курбского «разумевая да понимает», которое для обоих корреспондентов звучало как намёк на безумие всякого, кто понимает суть дела иначе. Принято считать, что публицистический конёк Ивана IV — поучать оппонента, нередко перед этим обругав и унизив. Это, безусловно, характерная черта его текстов, а внезапная брань и вовсе уникальна для дипломатической переписки тех лет. Однако к поучениям прибегал не только царь Иван. Любил

¹⁷ *Бачинский А.А.* Дипломатические послания Ивана Грозного как публицистический текст (на примере посланий в Польшу) // *Российская медиевистика на рубеже XXI века.* / Сост. М.П. Одесский; ред. Х. Шталь. Leipzig, 2016. С. 109–119.

¹⁸ РГАДА, ф. 389, оп. 1, ч. 2, № 615, л. III; Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie (далее — BCz). № 307. S. 238 (№ 3).

¹⁹ *Уо Д.К.* Неизвестный памятник древнерусской литературы: «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Степану, королю польскому» // *Археографический ежегодник за 1971 год.* М., 1972. С. 359–360; Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (далее — HHStA Wien). Österreichisches Staatsarchiv. StAbt. AB VIII/7/4. Ost- und Südosteuropa. Rußland I. Russische Urkunde. № 10; РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 47 об., 50–50 об., 61 об.—62.

и считал их допустимыми и Стефан Баторий. 2 августа 1581 г. он писал царю: «Так же приписуешь нам и гордость, которая так грубым людям, яко ты есть и тебе самому и продком твоим завжды была свойственна»²⁰.

Одним из средств остудить оппонента являлось указание на недопустимость вредных советов и участия в политических делах неподходящих советников, прежде всего женщин и перебежчиков-«изменников». В январе 1554 г. Иван IV писал ногайскому бию Юсуфу: «И женского обычая непригожих речей что слушати, где было тебе нам бити челом и наше добро навеки памятовати? И ты женсково для слова наше добро в недружбу ставишь»²¹. Существенную роль играло и указание на несоответствие требований контрагента занимаемому положению. На претензии ногайского бия Саид-Ахмеда на размер «поминок» для себя аналогичный отправляемым крымскому хану в 1538 г. сообщалось, что «непригоже чужих поминков просити»²². В письме Стефану Баторию после взятия королевским войском Полоцка царь убеждал противника: «Разумей же сие... веть тебя Курбской нашол нам губителя, и ты... его злочестия не слушай»²³.

Поучая оппонентов, Иван Грозный искусно переплетал собственные интерпретации фактов с религиозными цитатами. «И, яко бритву изощренну злобы, на кров христьянскую прислал еси к нам в посолстве Василя Тишкева с товарищи, усты в мале являющагося в тишину христьяном, сердцем же на христьян меч воздвигающаго, поведаючи нам от тебя, брата нашего, в посолстве и в розговоре с нашими бояры, что без отданя Смоленска и Северы тебе, брату нашему, никак с нами не мириватися»²⁴, — писал царь Сигизмунду II Августу в апреле 1562 г., цитируя Псалом 51 и используя религиозные образы в качестве основы для развёрнутой метафоры. Умело использовал ту же технику и Стефан Баторий. Более того, на цитату он нередко сам отвечал цитатой, хотя ссылок на Священное писание в его письмах куда меньше. «А што пишеш, приводячи с писма пророцкого, иж кровопролития хрестиянского Пан Бог з рук того, от кого ся на то причина даст, позысковати будет, ино кгда быс первой писма святыи на памяти мел и таковыи sprawy перед собою прекладал, тогда бы еси николи в чужое жниво своего серпа не вкладал»²⁵, — парировал король выпад Ивана Грозного в грамоте от 10 августа 1580 г.: Баторий заимствовал ключевой образ из Второзакония, 23:25.

Таким образом, язык дипломатических посланий в трудной политической ситуации мог становиться весьма резким с обеих сторон, причём, с большой долей вероятности, для таких обстоятельств существовал устоявшийся набор допустимого публицистического оружия. В переписке между монархами ключевую техническую роль в составлении писем, требующем тщательного учёта риторических выпадов и политических претензий противника, играли российские посольские служащие и королевские секретари, подчинённые коронного и литовского канцлеров²⁶. Царь и в других случаях, как правило, не составлял текст

²⁰ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 13, л. 326 об.

²¹ Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1551–1561 / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006 (далее – Посольские книги... 1551–1561). С. 146.

²² Посольские книги по связям России с Ногайской ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995 (далее – Посольские книги... 1489–1549). С. 215.

²³ *Уо Д.К.* Указ. соч. С. 360.

²⁴ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 6, л. 164 об.—165.

²⁵ Там же, оп. 2, д. 4.

²⁶ *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994. С. 43. См. также: *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...»: Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988. С. 159.

посланий полностью, а лишь редактировал и вносил свои дополнения. Они не характеризуют их стиль в целом, а лишь выделяют те фрагменты писем, к которым, по всей видимости, он мог быть причастен лично. Впрочем, вопрос авторства усложняется тем, что, по впечатлению современников, царь Иван был словоохотлив. С.О. Шмидт отмечал, что он был склонен «к произнесению речей, напоминающих одна другую и по содержанию, и даже формой своей»²⁷. Кроме того, сохранились прямые свидетельства современников, что царь вникал в посольскую рутину вплоть до нюансов и активно участвовал в составлении дипломатических писем и речей²⁸.

Грамоты, наполненные упрёками и символизирующие расхождения между государствами, превращались в годы войны в особый жанр военной дипломатии, однако в Посольском приказе к ним относились осторожно. Письма Ивана Грозного от лица бояр панам раде в ответ на приглашение служить Сигизмунду II Августу составили отдельную книгу и не присоединялись к основному комплексу документации. По всей видимости, подобная участь ждала Первое и Второе послания царя кн. Андрею Курбскому 1564 и 1577 гг. Их следов нет в сохранившихся посольских книгах, однако оба эти текста составлены с соблюдением дипломатического формуляра²⁹. Грамота Ивана Грозного королю Стефану от 1 октября 1579 г. отвечает не только на письмо короля от 16 сентября, но и на Третье послание кн. А.М. Курбского царю Ивану от 15 сентября, поэтому роли самого Курбского в войне царь уделяет гипертрофированное внимание. Показательно, однако же, что это письмо не включено в посольские книги и неизвестно ни в оригинале, ни в польско-литовских списках³⁰.

В 1568 г. в Москву направили настолько острое послание от лица короля Сигизмунда II Августа, что его не стали включать в посольскую книгу. Посольство кн. З.И. Сугорского в Регенсбурге добилось в сентябре 1576 г. внесения «московского» царского титула в грамоту Максимилиана II, однако имперские служащие вписали титул прямо в готовый документ и отказались переделывать его под предлогом недоступности печати³¹. В московской посольской книге эта грамота без каких-либо помет и комментариев скопирована с московским царским титулом Ивана Грозного³². За 1579–1581 гг. известны документы, которые в срочном порядке заменялись уже во время миссии. В мае 1579 г. Стефан Баторий писал, что посланники отказались передать его «лист», и поэтому он его посылает царю с гонцом³³. Иван IV не оставил без внимания специфический характер королевской грамоты. Когда гонец Венцлав Лопатинский привёз грамоту, ему сказали

²⁷ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 248.

²⁸ Поссевино А. Указ. соч. С. 25.

²⁹ Н.Н. Зарубин в реконструкции библиотеки Ивана Грозного не учёл возможность хранения Первого послания царя Ивана Курбскому в одном из царских хранилищ в виде отдельной книги. С.О. Шмидт впервые высказал это предположение, однако допустил, что такая книга могла храниться где-то «в Москве». Из дальнейшего комментария исследователя ясно, что он считает вероятным хранение посланий кн. А.М. Курбского в личной казне царя. См.: Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 413–414.

³⁰ Уо Д.К. Указ. соч. С. 357–358. Ср.: РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 11, л. 192 об.—194 об.; Переписка Ивана Грозного... С. 106–118, то же: Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского... С. 306–350.

³¹ Бойцов М.А. Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576 г. // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2015. С. 357–360.

³² РГАДА, ф. 32, оп. 1, кн. 3, л. 266–269.

³³ Там же, ф. 79, оп. 1, кн. 11, л. 150 об.

от имени царя, что тех, кто возит подобные письма, «везде казнят»³⁴. Эти слова остались угрозой: позднее Лопатинского отпустили на родину.

В момент создания посольской грамоты возникало одновременно не менее двух её версий. Одна направлялась адресату, другая — в архив Посольского приказа. Как правило, в чистовых версиях посольского делопроизводства Московского государства они приводятся сразу после вводной характеристики миссии, сопровождаясь словами: «А се таковая грамота послана». Если отправлялось более одной грамоты, то к этим словам добавлялись, например, такие: «А к польским паном радам от господаря грамота с Ондреем послана такова же»³⁵. Переводы в составе польских книг сопровождаются словами: «Перевод из цесарской грамоты»³⁶. В конце документа в ряде случаев приведены имена переводчиков: «А переводил переводчик латынской Бартуш Петров»³⁷. С латыни переводили при Посольском приказе в середине 1570 г. Бартош Петров и Яков Заборовский³⁸.

После межгосударственных обращений приводилась переписка с сенаторами. Следом за ней в книги помещались грамоты царя «рыцтерству». В Речи Посполитой — сначала к шляхте Короны Польской, потом шляхте Великого княжества Литовского³⁹. Затем следовала переписка между боярами и иноземными сенаторами. Переписка церковных властей обычно приводилась в посольских книгах после светских писем. В Первое и Второе междуцарствия Речи Посполитой Посольский приказ обращался к литовской раде, перечисляя имена с епископа Киевского Миколая Паца или епископа Виленского Валериана Протасевича и М. Паца, что формально нарушало права воеводы виленского, но приближало совет епископов к статусу «interrex» Короны Польской⁴⁰. Расположение в посольской книге посланий, привезённых в 1581 г. с А. Поссевино, также отражает дипломатическую иерархию в корреспонденции. Первыми записаны грамоты папы Григория XIII царю и царице; затем следуют письма царю от Эрнста и Карла Австрийских — впрочем, герцогов («арцыкнязей»), а не императора; после них — снова от папы, адресованные царевичам Ивану Ивановичу и Фёдору Ивановичу⁴¹.

Иерархия правителей в Посольском приказе была продумана и строго соблюдалась. Высшим статусом обладали Священная Римская империя, Османский султанат и Папское государство. Православные центры в переписке Посольского приказа не соизмерялись по статусу с мировыми политическими столицами, но восточные церковные престолы также занимали ведущие места на дипломатической лестнице, а переписка с ними отразилась в турецких и греческих посольских книгах. Уровень ниже — независимые правители, статус которых считался более низким, чем имперский: Корона Польская и Великое княжество Литовское, Валахия, Испания, Персия, Дания, Англия. Вопрос о статусе Дании

³⁴ Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 46.

³⁵ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 18, л. 1 об.

³⁶ Там же, ф. 53, оп. 1, кн. 1, л. 397; кн. 2, л. 4 об., 42 и др.; ф. 32, оп. 1, кн. 3, л. 53 об., 189 об. и др.; кн. 4, л. 191; ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 98, 99 об. и др.; ф. 96, оп. 1, кн. 2, л. 125, 177; кн. 3, л. 49 об., 67 и др.

³⁷ Там же, ф. 53, оп. 1, кн. 1, л. 173, 177 об.

³⁸ Там же, л. 239–241.

³⁹ Там же, ф. 79, оп. 1, кн. 18, л. 30.

⁴⁰ ВСз. № 307. S. 237–238; РГАДА, ф. 79, оп. 2, д. 2, л. 1; AGAD. AR. Dz. II. № 92. S. 1, 6; № 106. S. 1.

⁴¹ РГАДА, ф. 78, оп. 1, д. 1, л. 92 об.—105.

требует также анализа, напоминающего формульное выражение «извечное великое королевство»⁴², употреблённое Иваном IV в послании шведскому королю Юхану III от октября 1572 г. по отношению к королевству «даскому». Впрочем, необходимо учитывать и контекст этого употребления, а именно задачу доказать Юхану его низкое некоролевское родословие. Посольству 1562 г. в Данию предписывалось указать королю, что «братское» обращение к шведскому монарху унижительно для датского престола, поскольку шведский король переписывается с новгородскими наместниками⁴³. Ссылки на статус Дании в переписке с Иваном III и Василием III парировали тем, что в прошлом король Дании «сидел» и на Шведском королевстве⁴⁴. Статус Дании уточняется следующей формулировкой: «А царство Казанское и царство Азстороханское таковы ж господарства, как и королевство Датское»⁴⁵, довершая антитезу тем, что Казань и Астрахань — прежде бывшие «за великими господари и цари рускими» — снова подчинены Ивану, тогда как Швеция, наоборот, вырвалась из подчинения и понизила дипломатический статус Дании. Эта формулировка в контексте указанных после Казани и Астрахани ногаев, «приехавших» «ко господарю нашему служить»⁴⁶, косвенно подтверждается тем, что посланник Пётр Совин прежде направлялся в Ногайскую орду⁴⁷. Наконец, сохранившееся в записках Я. Ульфельдта свидетельство о переводе датских грамот в Москве показывает, что датским послам стоило больших усилий убрать из текста формулу, выражающую не просто низший, но подчинённый статус, — «бить челом» («gepeten») ⁴⁸.

В этом же ряду стоят наследники Золотой орды — Крым, Казань, Астрахань, Ногайская орда и, наконец, Сибирь. На отношения с постордынскими татарскими государствами влияло общее прошлое, в котором Московское государство имело статус данника. Отгалкиваясь от этого, татарские ханы и бии пытались придать Русскому государству изначально подчинённое положение, но эта политика в целом оказалась безуспешна. Уже во время малолетства Ивана IV Фёдор Карпов сформулировал общие принципы иерархии правителей. Это произошло на аудиенции 19 июня 1537 г. Отводя претензии ногаев на верховенство, Карпов заявил: «И нам господарь един Бог, а братья нам — турецкой салтан и иные цари»⁴⁹. Это заявление выводило русско-татарские отношения из ордынской перспективы и давало основания для иной иерархии, выстроенной на прагматичных основаниях. Оно отражало интеллектуальную эволюцию русской политической мысли, описывающей взаимоотношения Русского государства с татарскими сообществами. Новая иерархия имела следующий вид: во главе её располагалась Османская империя, далее шло Крымское ханство. Казанское ханство и Ногайская орда рассматривались как вассалы Москвы⁵⁰. А вот поло-

⁴² Stockholm. Riksarkivet. Muscovitika. № 671, л. 153 об.

⁴³ РГАДА, ф. 53, оп. 1, кн. 1, л. 318.

⁴⁴ Там же, л. 318–319.

⁴⁵ Там же, л. 319.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, л. 286–287; ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 1; *Рогожин Н.М.* Посольские книги конца XV — начала XVIII в. (URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html#agents> (дата обращения: 23 марта 2017 г.)).

⁴⁸ *Щербачёв Ю.Н.* Два посольства в Россию при Иоанне IV Васильевиче. М., 1887. С. 153–155; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 2002. С. 372, 434–435. Примеч. 270.

⁴⁹ Посольские книги... 1489–1549. С. 194.

⁵⁰ *Моисеев М.В.* Шертные грамоты в контексте русско-ногайских отношений в XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 6. Казань, 2014. С. 86–87.

жение в этой иерархии Астраханского ханства, Сибири, центральноазиатских ханств и Сефевидского Ирана нам неизвестно из-за почти полного отсутствия источников.

Уровень ниже занимали государства, с которыми московскому государю было меряться не по чину. Среди них – Швеция, немецкие и итальянские республики, Трансильвания, герцогства и графства, ливонские города, Рижское архиепископство, Ливонское королевство. С ними Москва старалась поддерживать отношения через посредников. С немецкими и итальянскими землями переговоры велись во время миссий в Вену, Папское государство, Копенгаген или даже Вильно и Краков. Специальных далёких поездок во Францию и Испанию в правление Ивана Грозного не организовывали. Дипломатическая переписка с Астраханью, Казанью, Ливонским орденом в правление Ивана Грозного прекратилась в силу исчезновения самих этих государств.

Наиболее низкое положение занимали частные заграничные корреспонденты. К ним Иван Грозный иногда обращался, нарушая все известные ныне традиции посольского дела и нисходя до частных дел. Письма от имени царя неоднократно посылались его «изменникам» и пленным «холопам». К нему самому обращались С.С. Довойно, кн. А.И. Полубенский, М. Фаренсбах, И. Таубе, Э. Крузе, Я.И. Ходкевич. Царь охотно втягивался в переписку с литовской радой как при жизни Сигизмунда II Августа, так и в период «бескоролевий» 1572–1576 гг.

Грамоты могли составляться ещё до определения основных представителей готовящейся миссии. Имена в таких случаях указывались в специально отведённых для них пробелах⁵¹. Только в московском списке грамоты Ивана IV Сигизмунду II Августу обнаруживается имя посланника – В.М. Жолнинского: «А нашего б еси дворянина *Володимера*, не издержав, к нам отпустил»⁵². В грамоте Сигизмунда II от декабря 1566 г. только московский список содержит полное имя королевского представителя: «А з сим листом нашим послали есмо к тебе, брату нашему, дворянина нашего Василя Петровича Загоровского»⁵³. Причины подобных разночтений – в оставлении пропусков для имени посла или представителя более низкого ранга. В грамоте Рудольфу II от марта 1580 г. дважды оставлен пробел для имени «лехкого гончика Офонася Резанова»⁵⁴. В посольскую книгу первый отрывок скопирован точно так же, как он читается в оригинале из Венского архива, тогда как во втором случае вместо вставки «с Офонасем Резановым» читается: «с Офонею»⁵⁵. Таким образом, в московском оригинале грамоты в этом месте сделали иную вставку, отражённую в посольской книге по сношениям со Священной Римской империей.

Многое зависело от статуса самой миссии и лица, отправляемого из Москвы. «Лехкие гонцы», в чьи задачи входила только доставка грамоты, могли назначаться и после формирования миссии. Роль же посланника, а тем более посла, в осуществлении посольства была значительно выше и поэтому требовала большей погружённости в материал. В случае с отношениями с Крымским ханством

⁵¹ *Поссевино А.* Указ. соч. С. 195.

⁵² Сборник императорского русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 71. СПб., 1892. С. 318; ср.: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. I. М., 1843. С. 253.

⁵³ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 7, л. 849 об.; Сборник ИРИО. Т. 71. С. 439; Книга посольская... Т. I. С. 258. В литовском списке нет также даты послания.

⁵⁴ HHStA Wien. RU. № 9. F. 1.

⁵⁵ РГАДА, ф. 32, оп. 1, кн. 4, л. 10 об., 11.

и Ногайской ордой гонцы, а точнее станичные головы, играли большую роль, выступая ещё и в качестве специалистов по устному переводу — толмачей. В русско-ногайских отношениях гонцы выполняли функции, сближавшие их с посланниками. Перед ногайскими послами на дворе в Кремле сообщали и «являли» не только главу миссии — сына боярского, но и станичных голов. В августе 1557 г. ногаям сообщили на дворе, что к бию Исмаилу с грамотой направлена станица служилых татар Нагая Сююндюкова⁵⁶.

В составе посольских книг сохраняется различная информация по вопросам организации дипломатических миссий. Приведём как пример решение о направлении в Ногайскую орду Елизария Мальцева. В марте 1558 г. приняли решение о его отправке, тогда же определили состав станиц служилых татар, отправляемых вместе с посланником. 20 марта ногаев собрали на дворе, где им представили русского дипломата. Затем состоялся пир, после чего ногаев отпустили домой. Впрочем, из Москвы они выехали только в апреле, а Е. Мальцев со служилыми татарами — 31 марта⁵⁷. Таким образом, при изучении посланий необходимо как можно полнее восстановить все обстоятельства подготовки и осуществления миссии.

Поскольку посольская документация предполагала контрактные отношения между государствами и имела устойчивый формуляр, необходима постановка вопроса о научной дипломатике посланий Ивана Грозного. В дипломатическом письме как в актовом источнике выявляются: протокол (*invocatio, intitulatio, inscriptio*); основная часть, состоящая из пересказа грамот оппонента и/или хода переговоров, ответа на тезисы корреспондента, диспозиции (она присутствует не всегда), а также представление посланца или гонца и описания его полномочий; эсхатокол (*datum*)⁵⁸.

Invocatio грамот существенно различается в зависимости от статуса, вероисповедания и политического самосознания отправителей и получателей письма. Формула «Бог наш Троица, иже прежде век съи, ныне есть, Отец, и Сын и Святыи Дух», применявшаяся в отношениях с Османской империей с начала XVI в., имела целью подчеркнуть различие вер и играла важную идеологическую роль, поскольку царь репрезентировал себя в качестве покровителя всех христиан. Однако в более поздний период встречается и нейтральная invocatio «Вседержителя Бога милостию»⁵⁹, и уже известная в отношениях с Европой расширенная формула: «Бог наш Троица, иже прежде век съи, ныне есть, Отец и Сын и Святыи дух, ниже начала имать, ниже конца, о нем же живем и движемся есмы, и им же царие царствуют и сильнии пишут правду». Редактор имперской посольской книги № 4 добавил к исходному тексту скопированных грамот Ивана IV Рудольфу II от 1580 г. «Сего убо Бога нашего в Троицы славимаго милостию хотением» выражение «и благоволением»⁶⁰. До этого слова «Благоволением Бога» входили в *invocatio* митрополичьих грамот⁶¹ и, в иной формулировке, в послание Ивана Грозного кн. А.И. Полубенскому от 9 июля 1577 г.⁶² Неоднократно «благоволение Бога» упоминается в основной части писем Ивана IV кн. А.М. Курбскому

⁵⁶ Посольские книги... 1551–1561. С. 254.

⁵⁷ Там же. С. 264.

⁵⁸ Каптанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 26–47.

⁵⁹ Филюшкин А.Н. Формулы самопрезентации высшей власти в *invocatio* посольских грамот Ивана IV // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 81.

⁶⁰ ННStA Wien. RU. № 10. F. 1, ср.: РГАДА, ф. 32, оп. 1, кн. 4, л. 30 об.—31.

⁶¹ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 7, л. 68 об.; Сборник ИРИО. Т. 71. С. 101.

⁶² Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 197.

от 5 июля 1564 г. и Стефану Баторию от 1 октября 1579 г. Возможно, имперскую книгу правила под присмотром самого Ивана IV. Уже в 1581 г. формулировка официального *invocatio* изменилась и сохранялась в последующие годы: «Сего убо Бога нашего в Троицы славимаго милостию, и хотением, и благоволением»⁶³.

В отношениях с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской с лета 1563 г. инвокация «Божиею милостию» в посланиях от Ивана IV была заменена на «Милосердия ради милости Бога нашего в них же посети нас Восток свыше, во еже направить ноги наша на путь мирен, в Троицы славимаго Бога нашего милостию»⁶⁴ — цитату из Евангелия от Луки, при помощи которой подчёркивалась мессианская роль русских правителей⁶⁵. Причём теперь она предшествовала имени монарха, а не следовала за ним, как прежде. Польские монархи в течение всего анализируемого периода пользовались формулой «Божиею милостию». Эту же инвокацию использовали Панове рада и Боярская дума. Последние наряду с ней также применяли формулу: «Великого Бога, Спаса нашего Иуса Христа, в Троицы славимаго милостию». В 1560-х гг. в переписке с европейскими странами появилась также религиозно окрашенная вставка между именем царя и его титулом — «яко рога инрога»⁶⁶, не получившая, однако, большого распространения. В посланиях, адресованных отдельным панам рада и боярам, также чаще всего использовалась инвокация «Божиею милостию», однако наряду с ней польская и литовская стороны прибегали и к другим формулам: «Милостию Всесильного и Всемогущего Бога»⁶⁷, «Божею милостию и ласкою»⁶⁸. В отличие от предыдущих периодов в документах с российской стороны европейским правителям *inscriptio* всегда следовало после *intitulatio* (за исключением послания папскому Григорию XIII)⁶⁹.

Основную часть грамот традиционно открывает пересказ предыдущего письма оппонента, если таковое было, или описание хода переговоров. Затем следует развёрнутый ответ. Но есть и исключения с российской и с польско-литовской стороны, когда Иван Грозный и Стефан Баторий отвечают на тезисы оппонентов сразу после их пересказа, а общее изложение письма адресата отсутствует⁷⁰. В текстах от имени царя речь идёт скорее о ярком исключении, но для короля Стефана иной формуляр достаточно привычен. Иногда в «ответную» часть корреспонденты включали диспозицию (предложения, вопросы, рекомендации и т.д.) и санкции, ждущие адресата в случае невыполнения озвученных требований. Очень часто возможные кары не назывались прямо, а принимали форму завуалированной военной угрозы с привлечением в качестве судьи высших сил⁷¹.

Эсхатокл дипломатических посланий включает место и дату написания текста. Сначала следует место составления грамоты (обычно это город, но иногда встречаются формулировки: «Писан з обоу»⁷²), далее указана дата. Она чаще

⁶³ ННStA Wien. RU. № 12. F. 1; № 13. F. 1; РГАДА, ф. 78, оп. 1, кн. 1, л. 437 об., 441 об.—442; ф. 32, оп. 1, кн. 4, л. 108 об.

⁶⁴ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 7, л. 187, 552 об., 1210 об. и др.

⁶⁵ Филлюшкин А.Н. Формулы самопрезентации высшей власти... С. 86–87.

⁶⁶ О её семантике см.: Там же. С. 87–88; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 316–317.

⁶⁷ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 7, л. 16, 20.

⁶⁸ Там же, л. 25 об.

⁶⁹ Там же, ф. 78, оп. 1 кн. 1, л. 1 об.

⁷⁰ Там же, ф. 96, оп. 1, кн. 3, л. 8 об.—31 об.; ф. 79, оп. 1, кн. 11, л. 139–155 об.; оп. 2, д. 4; Biblioteka Narodowa w Warszawie. Rkps № 6604. К. 1–33.

⁷¹ РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 5, л. 132.

⁷² Там же, оп. 1, кн. 7, л. 4, 18; оп. 2, кн. 5 и др.

всего записана кириллическими цифрами, но иногда встречаются прописные варианты. Дата указывается от Сотворения мира или – в исключительных случаях и в переводах заграничных документов – от Рождества Христова. Чаще всего в неё входят год, месяц и день составления письма, но довольно часто встречаются послания, где обозначены только месяц и год. Часто в развитие древнерусской и византийской эпистолярной традиции обозначался индикт. С лета 1563 г.⁷³ в грамотах в Великое княжество Литовское и Корону Польскую с российской стороны начали также указываться срок правления и пребывания Грозного «на царствах» (в том числе, в письмах Панам раде 1572–1573, 1576 гг.): российском, казанском и астраханском. Аналогичное перечисление присутствовало в посланиях правителям Священной Римской империи, королю датскому Фредерику II⁷⁴, шведским королям Эрику XIV и Юхану III⁷⁵ и др. В эсхатоколе грамот Ивана Грозного в Крымское ханство и Ногайскую орду данное перечисление царств не встречается. Адрес на обороте написан либо основным почерком, либо почерком особого посольского служащего. В адресе воспроизводилось не только имя и главный титул, но и основные титульные определения адресата.

Основными материалами для составления грамот служили развёрнутый бумажный лист, отформатированный под объём текста, и столбец-свиток, склеенный из необходимого числа фрагментов. Официальная версия с великокняжеской или царской печатью возможна была только в виде листовой грамоты. Известные ныне грамоты-свитки, по всей видимости, создавались в обход основной посольской миссии. Прямых упоминаний о бумаге для ведения переписки в нашем распоряжении нет, а серийных артефактов не так уж много. Все известные ныне по собранию Венского архива послания за март 1580 – декабрь 1584 г., включая первые грамоты от Фёдора Ивановича, написаны на бумаге с одним и тем же водяным знаком. Аналогичный знак обнаруживается на бумаге из канцелярии императора Рудольфа II⁷⁶. По всей видимости, бумага не покупалась, а хранилась и использовалась в Посольском приказе на протяжении ряда лет.

Сворачивались грамоты (проездные («опасные»), верительные («верющие»), посольские письма («листы»)) по-отдельности. Основным было посольское послание. Его полагалось торжественно вручить после приветствия зарубежного монарха. Максимилиан II описывает церемониал в письме Ивану IV: «Как ваши любви чиновные послы, которые с нашим с верным слугою з Данилом Принцом к нам пришли и к нам на наш Римской соборной день счастливо пришли и вашей любви грамоту подали, и приказ и посольство известили»⁷⁷. В ответ Иван Грозный велел написать своё послание, и так поддерживался диалог между суверенами.

«Опасные» грамоты направлялись зарубежным правителям и правительствам как пропуск на свободный въезд их представительства в Москву и выезд на родину. Их получали не только у московских чиновников, но и у наместников⁷⁸. «Верющая» грамота служила тем же целям, но на пути к заграничному суверену,

⁷³ Там же, оп. 1, кн. 7, л. 165.

⁷⁴ Там же, ф. 53, оп. 1, кн. 1, л. 419.

⁷⁵ Stockholm. Riksarkivet. Muscovitica 616. № 1/2; РГАДА, ф. 96, оп. 1, кн. 2, л. 181 об.

⁷⁶ HHStA Wien. RU. № 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14. Аналог в электронном альбоме Пиккарда датирован 1583 г. См.: Piccard. № 25405 (URL: <http://www.piccard-online.de> (дата обращения: 21 февраля 2017 г.)).

⁷⁷ РГАДА, ф. 32, оп. 1, кн. 3, л. 250 об.

⁷⁸ Там же, ф. 79, оп. 1, кн. 7, л. 40.

удостоверяя посольство и его миссию как представительство московского правителя. Вся официальная миссия могла ограничиваться передачей «опасной» или «верительной» грамоты. Не было посланий в *portfolio* миссии также в тех случаях, когда миссия везла на утверждение уже заключённый посольский договор. Разумеется, формуляр дипломатического послания имели только «опасная» и «верительная» грамоты, межгосударственные договоры так не оформлялись и к дипломатическим посланиям не относятся.

Печатами заверялись все эти типы писем. Единство данного комплекса подтверждается упоминаниями в посольских книгах — в них старательно освещался факт выдачи представительству названных документов. Первоисточники не противоречат московским свидетельствам. Они говорят о том, что российские представители передавали своим контрагентам все удостоверительные послания. В архивах Священной Римской империи, Ливонского ордена, Великого княжества Литовского хранились такие подборки из двух и трёх грамот. Аналогично вели себя и московские посольские служащие — они хранили посольские документы вместе с проездными грамотами⁷⁹.

Несмотря на то что подлинников посланий ногайских биев и мирз, равно как и крымских ханов и знати, до наших дней не сохранилось, ряд сообщений позволяет нам сделать предположение об их внешнем виде. Известно, что на них имелись оттиски печатей — «нишаны»⁸⁰. На шерстных грамотах в Крыму могли быть привесные «золотые нишаны» — печати, оттиснутые на золотом воске, широко известны «алые нишаны»⁸¹. Бытовала эта практика и в русско-ногайской переписке.

В ряде случаев глава миссии допускал передачу партнёрам по переговорам краткой версии посольского наказа, носившей полуофициальный характер — оформлялась без государевой печати на свитке-столбце и скреплялась «по составу» личной подписью главы миссии. Так в документации Венского архива за 1577 г. появился столбец с копией наказа Ж.И. Квашнина⁸². Указание на свиток-столбец находим и в датском посольстве кн. А. Ромодановского и П. Совина 1562 г.: «Да с тое же грамоты дан князю Онтону с товарищи список слово в слово на столбцах, написан руским писмом. А другой написан неметцким писмом»⁸³. Копия с ответа Ивана IV имперским послам И. Кобенцлю и Д. Принцу сохранилась в незаверенном современном свитке в Библиотеке Чарторыйских, к которой попала, по всей видимости, из распавшегося в начале XIX в. Архива Радзивиллов, т.е. восходит к канцелярии Великого княжества Литовского⁸⁴. Тайная дипломатия позволяла не только доставать копии документов, но и блокировать движение оригиналов и препятствовать их получению адресатом. В Москве

⁷⁹ HHStA Wien. RU. № 6, ср.: Ibid. Rußland I. K. 1. Konv. H. F. 17–17v; Ibid. RU. № 8, ср.: Rußland I. K. 2. Konv. 3 (C). F. 21–24, 25–26, РГАДА, ф. 32, оп. 1, кн. 4, л. 3–3 об., 6–10; ВСz. № 307. S. 237 (№ 2), 238 (№ 3); РГАДА, ф. 53, оп. 1, кн. 1, л. 68 об.—70 (публикация: *Филошкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 695–696); РГАДА, ф. 79, оп. 2, д. 1–2 и др.

⁸⁰ *Самойлович А.Н.* О «пайцца» — «байса» в Джучиевом улусе (К вопросу о басме хана Ахмата) // Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 213–218.

⁸¹ *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения 1567–1572 гг. в тринадцатой посольской книге // Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 / Отв. ред. М.В. Моисеев. М., 2016. С. 35.

⁸² HHStA Wien. RU. № 5.

⁸³ РГАДА, ф. 53, оп. 1, кн. 1, л. 305.

⁸⁴ ВСz. № 2822. Zw. IX.

также пользовались перехватом посланий, обретавших в открытой дипломатии силу последнего аргумента. Один из таких случаев — перехват царским воеводой Д.Ф. Адашевым грамоты Сигизмунда II Августа крымскому калге Мухаммед-Гирею и «речей» королевского посланника М. Гарабурды, использованных затем в переговорах Ивана IV с польским королём в 1562 г.⁸⁵

Проездные грамоты на случай транзитного следования послов не были верительными, но хранение в польских архивах копий с посольских грамот в Рим и Священную Римскую империю свидетельствует о том, что дипломатическим процессам надлежало пользоваться проездной грамотой и на третьей стороне. Она обеспечивала неприкосновенность миссии на всём пути к основной цели. «Опасную» грамоту выдали в Москве кн. С.Ф. Бельскому в 1537 г., когда правительство Елены Глинской предпринимало попытки выманить опасного претендента на Рязань и Белую в Москву. Князь не обманулся обещаниями, но вступил в конфликт и с королём Сигизмундом I Старым, требуя для себя «глейтов» на возвращение в Великое княжество Литовское, как если бы являлся независимым политиком (от короля Бельскому пришло напоминание, что он — подданный и не нуждается в «глейтах»)⁸⁶. Пересечение границы Российского государства польским гонцом Л. Дуброве без «опасной» грамоты в 1575 г. послужило предлогом для расследования и суровой расправы. Царь Иван использовал данный прецедент, чтобы в знак милости к Литовской раде раскрыть попытку коронных подданных в обход Великого княжества Литовского и самого московского царя вести переговоры с российскими чиновниками. Лаврин не вёз с собой послания к царю, зато у него была пачка писем («грамоты бездельные») к московским «приказным людям». Гонец был схвачен, приговорён к смерти, но вместо смертной казни бит в Смоленске «пугами» и отпущен в Великое княжество Литовское. В своём послании царь изложил принцип действия «опасных» грамот и санкции за его нарушение: «И того ни в котором государстве не ведется, што послам и посланникам з государств в государство ходити без опасных грамот... И за такие воровства довелся был тот лях Лаврин смертное казни»⁸⁷. Миссия, не подкреплённая удостоверительными документами, воспринималась как преступление против суверенитета — покушение на статус представителя высшей власти, по сути — политическое самозванство («воровство»)⁸⁸.

Дипломатические представители Крыма и Ногайской орды, как правило, въезжали в Московское государство при сопровождении русских дипломатов. Затем они останавливались в первом приграничном городе, воевода которого отсылал гонца с сообщением о визите. Обычно его сопровождали гонцы татарского посольства. Глава русской миссии должен был дать полный отчёт о составе посольства с полным списком основных представителей⁸⁹. В условиях, когда из Ногайской орды стали выезжать отряды для участия в Ливонской войне, подобные списки становились более подробными⁹⁰. Затем посольство под охраной

⁸⁵ Горский А.А. «Речи» гонца Сигизмунда II Михаила Гарабурды крымскому калге Мухаммед-Гирею (1559 г.) // Золотоордынское обозрение. Т. 5. 2017. № 1. С. 200–205.

⁸⁶ Подробнее см.: Ерусалимский К.Ю. Князь Семён Бельский — землевладелец и политик Великого княжества Литовского // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура / Уклад А.А. Скеп'ян, А.У. Мацук. Т. 1. Мінск, 2017. С. 135–136.

⁸⁷ Ср.: AGAD. AR. Dz. II. № 3353. К. 2–3.

⁸⁸ Сведения о Л. Дуброве в посольской книге № 10 по сношениям России с Польшей отсутствуют. Впрочем, записи за вторую половину 1575 г. сохранились в данной книге фрагментарно.

⁸⁹ РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 1.

⁹⁰ Там же, кн. 7, л. 22–25.

начинало движение к столице, а к ним навстречу отправлялся отряд с приставом. Таким образом, татарские дипломаты двигались под неусыпным контролем. О существовании специальных проездных документов для татарских послов известно из летописей, но, возможно, выдача «опасных» грамот связана с резким обострением отношений. В момент обострения русско-казанского противостояния казанский посол Хусейн-бек Малый просил выдать для будущих казанских послов «опасную» грамоту. Просьбу удовлетворили: в Казань русский дипломат Неклюд Девочкин вёз «опасные» грамоты для казанских послов⁹¹.

Запечатывалось в Москве перед отправкой посольства только основное послание. Печати красного воска⁹² накладывались на квадратный по форме обренок бумаги, одним углом выступавший за основное поле на обороте. В отличие от договоров и распорядительных актов, посольские грамоты подвесными печатями не скреплялись.

Государственный документальный архив в правление Ивана Грозного был местом, где постоянно хранились материалы посольской переписки, причём необязательно оригиналы. Анализ описи «Царского архива» показывает, что в его ящиках хранились первичные документы, ещё не объединённые в копиянные дела книги — «книги». На это указывает определение их в описи как «листы», «грамотки», «тетради». Даже использование термина «книга», как указывает Л.В. Мошкова⁹³, ещё не является свидетельством того, что перед нами уже готовая «книга» как вид копиянной приказной документации сводного характера. Сам архив имел живой характер: материалы его использовались для подготовки царских посланий, летописей, заносились в посольские и другие книги. Посольские документы «Царского архива» группировались по типу и по стране. При И.М. Висковатом значительную часть дипломатических материалов обобщили в посольские книги. Во всяком случае, на такое предположение наталкивает описание ящика 139, где находились «книги посольные литовские, крымские, нагайские, казанские, неметцкие, астраханские, турецкие»⁹⁴. Но при этом переписку с церковными иерархами православного Востока в книги ещё не скопировали и хранили в виде грамот, отписок и т.д. в ящике 176. Вполне возможно, что и часть переписки с Темрюком и грузинским князем Леоном из ящика 226⁹⁵ также связана с церковной дипломатией. При этом странным образом отсутствуют материалы русско-ногайской переписки, исключая бумаги ящика 182, в котором хранились шертные записи ногайского бия Исмаила и его сына Мухаммеда⁹⁶, а русско-крымские документы, сохранившиеся в составе крымских посольских книг № 10–14, фиксируются в ящиках 218 и 230⁹⁷. Это позволяет предполагать, что опись «Царского архива» зафиксировала не все документы, находившиеся в делопроизводстве Посольского приказа.

⁹¹ ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 451.

⁹² Гипотеза о сознательном выборе Иваном IV именно красного цвета в связи с «византийской традицией» высказана Л.А. Юзефовичем: *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 169.

⁹³ *Мошкова Л.В.* Попутные мысли о «книгах» (URL: <https://www.academia.edu/32349399> (дата обращения: 19 июня 2017 г.)).

⁹⁴ Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 31.

⁹⁵ Там же. С. 35, 43.

⁹⁶ Там же. С. 36.

⁹⁷ Там же. С. 42, 44; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зими́на; под ред. Л.В. Черепнина. Ч. I–III. М., 1978. Ч. III. С. 503–507, 536.

Литовская корреспонденция хранилась в ящиках 18, 21, 22, 64, 135. В ящике 22, к примеру, содержалась посольская переписка: «Книги, и списки, и грамоты при великом князе Иване Васильевиче всеа Русии з Жигимантом королем»⁹⁸. По всей видимости, эти слова скрывают переписку с королём Сигизмундом I Старым (оригиналы или копии) великого князя Ивана IV до получения им царского титула⁹⁹. Последующие документы, включая грамоты, откладывались отдельно и, по всей видимости, намеренно обособлялись от материалов великокняжеского периода.

В Великом княжестве Литовском к хранению посольской документации были причастны одновременно канцлер, подканцлер и король. До смерти Сигизмунда II Августа переписка с Москвой являлась одновременно государственным и семейным делом. Копии писем и договоров направлялись королю и канцлеру М.Я. Радзивиллу Черному, а затем его двоюродному брату и шурина короля М.Ю. Радзивиллу Рыжему. Где хранились оригиналы, сказать трудно. В августе 1568 г. Сигизмунд II писал канцлеру Великого княжества Литовского М.Ю. Радзивиллу о необходимости ответить на послание великого князя московского. Ответ обсуждался королем не только с литовским канцлером, но и с епископом Виленским Валерианом Протасевичем, однако Радзивиллу недоставало копии письма Ивана IV, и он обратился к королю. Тот отговорился, что при нём нет литовского подканцлера О.Б. Воловича, а он «тот лист московского з собою завез». Король посчитал выдачу оригинала в Литву опасной и отдал Воловичу приказ, «абы чим наборзде слово от слова списавъши копею с того листу московского, до твоей милости послал»¹⁰⁰. Обсуждаемый здесь «лист» царя Ивана — по всей видимости, его послание Сигизмунду Августу от 16 июня 1568 г.¹⁰¹ Обстоятельства обмена мнениями между Коронай и Литвой были экстремальными: царь продолжал «опалу» на гонца Ю. Быковского и прислал лишь купца Игната Оршанина, требуя вернуть заложника — Василия Онучу. Царь грозил продолжением войны «в земле» короля Сигизмунда Августа. Этим во многом объясняется чрезвычайный режим подготовки дипломатического ответа со стороны короля и литовского канцлера. В ответном письме царю говорится, что «мужика» Василия в государстве Сигизмунда II нет, а захват королевского посланца и купцов на «так долгий час» нарушает международные нормы («над звыклость всех господарей хрестьянских учинилося»)¹⁰². Письмо было отправлено с А. Букрабой, но царь Иван IV его не принял. Оригинал письма хранился в Вильнюсе, а содержимое даже не скопировали в московскую посольскую книгу.

Связь короля с Москвой через руководство Великого княжества Литовского сохранялась и после объединения Литвы и Короны в единое государство — Польско-Литовскую республику. Когда к Стефану Баторию вернулись из Москвы его первые гонцы Ю. Грудинский и Л. Буховецкий, в начале января 1577 г. он оповестил литовского канцлера М.Ю. Радзивилла о получении «глейтов» на посольство в Москву и прислал ему списки с писем Ивана Грозного, рассчитывая на

⁹⁸ Государственный архив России... Ч. I. С. 136.

⁹⁹ Там же. Ч. I. С. 136; Ч. II. С. 297.

¹⁰⁰ *Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów / Oprac., wstęp, komentarze I. Kaniwska. Kraków, 1999. S. 546–547.*

¹⁰¹ Книга посольская... Т. I. С. 285–286; Сборник ИРИО. Т. 71. С. 568–569.

¹⁰² *Vilniaus Universiteto Biblioteka. Rankraščių skyrius. F. 48. b. 32877; РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 7, л. 1125 (текст не скопирован, для него оставлено место). Публикация письма содержит многочисленные ошибки и неверную датировку «июль 1562 г.»: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 4. Вильна, 1867. № 4. С. 3–6.*

обсуждение с канцлером целей готовящейся миссии. В начале августа того же 1577 г. король отправил литовскому канцлеру свой «лист» Ивану Грозному, который вёз царю М. Полуян¹⁰³.

Исследование дипломатической переписки с применением методов источниковедения, культурной антропологии и теории коммуникации нацелено на создание максимально полной картины посольского обмена, в котором послание суверена всякий раз выполняло ряд задач. Прежде всего оно представляло, называло и возвеличивало фигуру самого суверена, не только отражая, но и улучшая его международный статус. Язык послания был частично непереволим на заграничные языки — ключевые статусные маркеры в нём соблюдали престиж правителя за счёт умолчаний, благоприятных неточностей в переводе и искусственных прецедентов. С их помощью московская посольская служба пыталась внедрить имперский статус России в международные отношения и доказать законность венчания Ивана IV на царство. Впрочем, не только царский титул, но и великокняжеский, как и правление на территории «всей Руси», и ряд других маркеров, опирались на традиционные полемические приёмы. В правление Ивана Грозного посольским служащим приходилось испытывать на переговорах самые неожиданные идеи, призванные укоренить и возвеличить верховную власть. Среди прочего — идеи о правах на царский титул и все русские земли, на всё Поволжье, на все ордынские земли, на орденские и имперские владения, о прямом родстве с римской имперской семьёй, о происхождении ряда ордынских улусов от древнерусских центров, о правах на Великое княжество Литовское, Швецию, весь «Север». Динамичная переписка с татарскими улусами менее богата на аргументы, почти лишена тезисных обоснований и развёрнутых претензий и лишена тем имперского главенства и религиозного доминирования.

В случае, если посольские иерархии заметно нарушались или требовалось подчеркнуть переход дипломатии в конфликтное состояние, задействовались риторические ресурсы, которые традиционно принято считать показателями авторского стиля Ивана Грозного. Сравнение язвительной риторики в посланиях царя Ивана с ответными письмами европейских монархов показывает, что существенных стилистических расхождений в острой полемике между монархами не было. «Стиль Ивана Грозного» в большинстве случаев — это приемлемый для самих же его адресатов эмоциональный градус, который в ответных письмах, как правило, поддерживался. Следовательно, причастность посольских служащих к работе над посланиями Ивана Грозного и в этих случаях не исключена. Тем не менее в отдельных случаях можно говорить об использовании нестандартных риторических ходов и сознательном выходе за пределы неписаного этикета литературно-дипломатического боя. Последнее, по всей видимости, было бы невозможно без личной санкции царя. Набор словесных уловок и устоявшихся приёмов в достижении максимально благоприятного статуса для Ивана Грозного варьировал от страны к стране, зависел от статуса самого контрагента в представлениях, сложившихся у царя, его окружения и посольских служащих. В целом, на статус царя оказывала влияние и религиозная риторика, она существенно отличалась в обращениях к мусульманским и христианским монархам. С другой стороны, прагматизм посольского дела вносил поправки в богословские формулы. Радикальные заявления о борьбе с «мусульманской рукой» и призывы к христианским союзникам осуществить совместный поход или поддерживать друг друга

¹⁰³ *Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa.* Kraków, 2008. S. 555–556.

в религиозной войне не оборачивались никакими конкретными шагами и к середине 1570-х гг. превратились в формальное обозначение добрых намерений и готовности к сотрудничеству. Сравнение оригиналов дипломатической корреспонденции с чистовыми копиями писем, сохранившимися в книгах Посольского приказа, а также со списками и переводами, выполненными в других странах, показывает, что письмо воспринималось как важнейший атрибут посольской миссии, доступный в канцелярии, способный долгие годы сохранять свою силу и играть определяющую роль в вопросах войны и сотрудничества.